
ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

Научная статья / Research Article

УДК 316.14

DOI: 10.14258/SSI(2023)3-01

Центральная Азия: историко-культурное наследие в структуре межнациональных отношений конца XX — начала XXI века

Ирина Вячеславовна Октябрьская

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
siem405@yandex.ru, orcid 0000-0002-4190-9478

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии сохранения культурного наследия в странах постсоветской Центральной Азии. Его оценка как фактора суверенизации и выстраивания межнациональных взаимодействий определяет актуальность работы. Основой анализа являются нормативные документы, концепции и практики национального строительства и связанный с ними дискурс по поводу культурного наследия. Для достижения результатов используется аналитический, историко-культурный подход. В работе показано, что процессы актуализации культурного наследия стран макрорегиона развивались динамично; соответствовали мировым тенденциям; были закреплены на уровне национальных правовых систем, в академическом и общественно-политическом дискурсах. Утверждая национальные приоритеты, государства Центральной Азии ориентировались на многовекторное международное сотрудничество. С созданием Содружества Независимых Государств процесс культурного диалога вышел на новый уровень. Формирование вариативных моделей интеграции определило один из основных трендов развития Центральной Азии начала XXI в.

Ключевые слова: Центральная Азия, тюркоязычные страны, национальное культурное наследие, многовекторная политика, интеграция.

Финансирование: исследование выполнено в рамках программы НИР, проект № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

Для цитирования: Октябрьская И.В. Центральная Азия: историко-культурное наследие в структуре межнациональных отношений конца XX — начала XXI в. // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 3. С. 13–29. doi: 10.14258/ssi(2023)3-01.

Central Asia: Historical and Cultural Heritage in the Structure of Interethnic Relations of the Late XX — Early XXI Century

Irina V. Oktyabrskaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia,
siem405@yandex.ru; orcid 0000-0002-4190-9478

Abstract. The article examines the history of the development of strategies and practices for the preservation of cultural and intangible cultural heritage in the countries of post-Soviet Central Asia. It is shown that they developed dynamically, in general, in accordance with global trends; they were correlated with UNESCO documents and fixed at the level of national legal systems, state cultural policy, in academic and socio-political discourses. The concepts of cultural heritage were the basis of the national sovereignty of the countries of Central Asia — the lists of internationally recognized objects of cultural heritage and masterpieces of intangible cultural heritage acquired a significant character. At the same time, in the course of a broad humanitarian dialogue, interethnic strategies for the study, preservation and popularization of cultural heritage were being formed. Their ideology was determined by the civilizational approach and the principles of “practical Eurasianism”. When approving national priorities, the Central Asian states focused on multi-vector, multipolar cooperation, including relations in culture, politics, and economy. Historical and cultural heritage was a factor of their integration into the world cultural community and into the space of the Turkic world. With the creation of the Commonwealth of Independent States (CIS), the processes of cultural dialogue in the post-Soviet space have reached a new level. The formation of variable integration models has determined one of the main trends in the development of Central Asian countries.

Keywords. Central Asia, Turkic-speaking countries, national cultural heritage, multi-vector policy, integration

Financial Support: the work was supported by the scientific project № FWZG-2022-0001 “Ethnocultural diversity and social processes in Siberia and the Far East of the 17th and 21st centuries. Research on the changing role of traditional cultures, social institutions and environmental paradigms”.

For citation: Oktyabrskaya, I. V. (2023). Central Asia: Historical and Cultural Heritage in the Structure of Interethnic Relations of the Late XX — Early XXI Century. *Society and Security Insights*, 6(3), 13–29. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)3-01.

Введение

В начале XXI в. в условиях формирования многополярного мира актуальным является расширение пространства эффективного диалога и интеграционного взаимодействия в рамках глобального и региональных сообществ. Опыт многовекового взаимодействия стран Центральной Азии в сфере политики и культуры является основанием сотрудничества.

Как единое пространство этот макрорегион начинает оцениваться с XIX в. Считают, что впервые он был обозначен известным географом А. Гумбольдтом в 1834 г. На протяжении XIX в. часть народов, населяющих Центральную Азию, были интегрированы в структуру имперской России. В начале XX в. уже в СССР (на основе принципов экономической географии) по отношению к этой части континента было введено понятие «Средняя Азия и Казахстан». В 1992 г. первый президент независимого Казахстана Н.А. Назарбаев предложил отказаться от этого определения в пользу «Центральной Азии». Согласно критериям ЮНЕСКО, Центральная Азия включала постсоветские государства, Монголию, северо-западный Китай и южные районы Азиатской России, Афганистан, северо-западную Индию, северную часть Пакистана, северо-восточный Иран. Но российская и международная регионалистика ограничивает Центральную Азию бывшими советскими республиками, из которых Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан принадлежат к тюркскому миру, Таджикистан — к иранскому. При этом все эти государства были связаны давними историческими и культурными связями.

Процесс суверенизации, запущенный в конце 1980-х гг., на новый уровень вышел в 1991 г. с провозглашением независимости Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Казахстана. Встав на путь системных преобразований, постсоветские республики акцентировали глубокую историчность национальной государственности. Культурное наследие титульных народов стало важнейшим фактором национального единения.

Концепт «культурное наследие» формировался на протяжении XX в. одновременно со становлением на международном и национальном уровнях его правовых и организационных аспектов. Утвердилось представление о наследии как о совокупности ценностей, которые, имея устойчивые во времени формы, задавали традиции, актуальные в системе синхронных общественных связей. Преемственность традиций обеспечивала целостность и устойчивость этнических и национальных сообществ. Их утрата оценивалась с позиций рисков (Баллер, 1987: 160; Чепайтене, 2009: 298; Октябрьская, 2013: 20–31 и др.).

Вслед за вступлением в силу Конвенции ЮНЕСКО 1972 г. «Об охране всемирного культурного и природного наследия» стратегии их сбережения и использования стали разрабатываться с ориентацией на перспективы развития. Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г. сделала актуальной работу с обычаями, представлениями, знаниями и навыками, а также связанны-

ми с ними артефактами и пространствами. В ее развитие в 2005 г. была принята Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. На основе принятых концепций в Центральной Азии формировалась система ценностей с опорой на идеологию деколониальности. Каждая из республик формировала собственную стратегию обретения культурной суверенности при одновременной интеграции в мировое культурное пространство. Законы в сфере культурной политики в странах Центральной Азии принимались на протяжении 1992–2020 гг. Ориентация на модернизацию с опорой на историческую память и культурное наследие (в единстве духовно-нравственных и материальных ценностей) рассматривалась как гарантия суверенности национальных сообществ (Октябрьская, 2013а: 2–16).

Оценка культурного наследия как фактора суверенизации и выстраивания межнациональных взаимодействий в постсоветской Центральной Азии определила содержание данной работы. Основой анализа стали нормативные документы, концепции и практики национального строительства и связанный с ними дискурс по поводу культурного наследия и его роли в центральноазиатской интеграции. Для достижения результатов используется аналитический, историко-культурный подход. Цель исследования заключалась в выявлении национальных приоритетов государств Центральной Азии и выстраивании культурной политики на внутреннем и внешнем уровне.

Обсуждение результатов

1. Концепции и практики сохранения историко-культурного наследия

Обретя независимость на рубеже XX–XXI вв., постсоветские страны Центральной Азии стали равноправными участниками мировых политических, экономических и культурных процессов. Утверждение идеи национальной государственности отвечало стремлению каждой из центральноазиатских республик занять достойное место в мировом сообществе, но не противоречило ориентации на этнические ценности. Язык, культурное наследие, историческая память титульных народов стали основой практик суверенизации 1990–2000-х гг. в макрорегионе.

Традиционалистская модель была последовательно реализована в Туркестане. Стали легитимными родоплеменные структуры: на государственном гербе были помещены изображения пяти ковровых узоров (гёлей), каждый из которых означал одно из племен, сплотившихся в единое национальное сообщество. Обобщением традиционных ценностей стало сочинение первого президента Туркменистана С. А. Ниязова «Рухнама» («Духовность») 2001 г., которое властным решением обрело статус кодекса нации. В нем история туркмен — «богоизбранного народа» — опускалась на глубину более 5 тыс. лет и рассматривалась как основание созидательного потенциала будущего. Популярность «Рухнама» упала со сменой власти. С приходом нового президента Г. М. Бердымухамедова, написавшего книгу «К новым высотам прогресса», Туркменистан вступил в «эпоху великого Возрождения». В Ашхабаде была восстановлена Академия наук; в 2014 г.

создан Международный университет гуманитарных наук и развития и пр.; был утвержден Государственный реестр объектов национального культурного достояния: на учет поставлены более 1300 недвижимых памятников истории и культуры (археологические объекты и древние архитектурные сооружения).

В ходе реализации программ сохранения и популяризации культурного наследия в Республике Казахстан к 2020-м гг. были изданы: «История Казахстана в зарубежных источниках» в 20 томах, более 60 томов свода «Бабалар сөзі» («Слово предков»), 20 томов философского наследия; выпущена литературная серия «Алтын кор» («Золотой фонд»). В стране было зафиксировано свыше 25 тыс. памятников культуры, в том числе более 200 объектов республиканского и свыше 11 тыс. — местного значения. Реперными точками историко-культурного ландшафта стали более 200 музеев.

Учитывая важность проблем сохранения и развития культурного наследия, Президент Кыргызской Республики объявил 2016 г. «Годом истории и культуры». В указе президента было отмечено «поощрение инициатив деятелей культуры и искусств, средств массовой информации, направленных на укрепление государственности, единства народа Кыргызстана, его духовное возрождение и создание современных высоких морально-нравственных ориентиров»¹. К 2020-м гг. в Государственном списке памятников истории и культуры Кыргызстана числились около 2 тыс. памятников, в том числе около 600 — республиканского значения (Октябрьская, Алымкулова, Назаров, Самушкина. 2022: 128–139).

В 2019 г. Кабинетом министров Республики Узбекистан было принято Постановление «Об утверждении национального перечня объектов недвижимости материального культурного наследия». На начало 2020-х гг. общее количество объектов составляло более 8 тыс. единиц, около 5 тыс. из них — археологические памятники, около 700 — памятники монументального искусства и 580 — места паломничества. В стране действовало 105 музеев.

В начале 2010-х гг. в Таджикистане была введена «Государственная программа защиты культурно-исторических памятников на 2012–2020 годы». В список Министерства культуры были включены почти 2 тыс. объектов, среди которых 442 — исторических монументальных, 1278 — археологических и 300 — архитектурных. В республике в мае 1997 г. был создан Научно-исследовательский институт культуры и информации, который подготовил Национальный каталог наследия, где значились более 515 компонентов нематериальной культуры (Амиров. 2017: 189–197).

При всех различиях в стратегиях и практиках национального строительства постсоветской Центральной Азии они рождались из осознания народами своего исторического прошлого, настоящего и будущего в широком историческом контексте. Самым популярным историческим брендом постсоветского Узбекистана стала фигура правителя XIV в. — Тимура/Тамерлана, который смог создать одну из крупнейших евразийских держав. Эта историческая личность стала символом новой идентичности Узбекистана (Абдуллаев, Курбонбоева, Меркурьева, 2022).

¹ 2016 год объявлен Годом истории и культуры // Пуханият. URL: <http://rus.ruhaniat.kg/?p=1036>

В Таджикистане с национальной идеей соотносилась концепция, согласно которой таджики являлись наследниками древнейшей «арийско–авестийско–зо-роастрийско–исламско–ирано–таджикской» цивилизации. Эта версия была поддержана и легитимной наукой, и народным нарративом. Образы исторических и эпических героев актуализировали практики коммеморации Центральной Азии.

Процесс суверенизации постсоветских стран сопровождался деконструкцией историко-культурных ландшафтов и их сакрализацией. Памятники героям прошлого, предкам и эпическим богатырям становились реперными точками пространства памяти. В Казахстане в 2017 г. был создан Научно-исследовательский центр «Сакральный Казахстан». Он выпустил своды «Общенациональные сакральные объекты Казахстана» и «Региональные сакральные объекты Казахстана»: в список было включено 685 мест. Они, по словам первого президента Казахстана Н.А. Назарбаева, сформировали «каркас национальной идентичности», став частью обнародованной в 2016 г. концепции «Мәңгілік ел» («Вечное государство») и стратегии «Казахстан–2050».

В Кыргызстане процесс актуализации национальной идентичности также сопровождался сакрализацией его территории. В 2005–2014 гг. в стране был реализован проект «Сакральная география Кыргызстана». Составленный свод включал свыше 1100 объектов, связанных с историей, народным исламом, мифо-экологическими верованиями и сказительством кыргызов (Октябрьская, Алымкулова, Назаров, Самушкина. 2022: 128–139).

Многие почитаемые места Кыргызстана объединял образ Манаса, который, согласно легендарной традиции, вернул кыргызов с Алтая на Тянь-Шань, объединил их и защитил от китайских набегов. В 2003 г. эпос «Манас» (в классической версии сложившийся в XVIII в.) был признан образцом творчества всемирного значения; в 2013 г. цикл «Манас-Семетей-Сейтек» включили в Репрезентативный список ЮНЕСКО. На государственном уровне он оценивался как воплощение национальной идеи, обеспечивающей единение Кыргызстана и всего тюркского мира (Бакчиев, 2018: 208).

С 1990-х гг. в число важнейших символов, олицетворяющих и нацию, и государственность, вошел комплекс «Манас–Ордо» («Ставка Манаса») в Таласе. Его история началась в 1930–1940-е гг., когда советские исследователи начали системное освоение Таласской долины, где по народным представлениям располагалась ставка Манаса. В 1976 г. здесь был создан Литературно-этнографический музей. В 1990 г. его преобразовали в государственный музей-заповедник. В 1995 г., когда уже суверенная Кыргызская Республика под эгидой ЮНЕСКО отмечала 1000-летие эпоса «Манас», началась его перестройка. В 1996 г. был открыт Таласский областной комплекс «Манас–Ордо», в 2001 г. получивший статус национального. Центральное место в нем занял мавзолей XIV в., который в народе считали могилой Манаса (Бакчиев, 2018: 208).

По мере развития сотрудничества с ЮНЕСКО картирование святынь и историко-культурных памятников Центральной Азии было соотнесено с программой по Великому шелковому пути, в рамках которой в 1995 г. в Самарканде был создан

Международный институт центральноазиатских исследований. Его деятельность в начале 2020 г. поддержали Турция, Азербайджан, Иран, Китай, Корея, Монголия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Пакистан.

2. Освоение историко-культурного наследия Центральной Азии как основа устойчивого развития

Рост интереса к историко-культурному наследию Центральной Азии сопровождался выстраиванием широкого международного сотрудничества. Еще в 1957 г. ЮНЕСКО инициировало проект «Взаимного признания ценности культур Востока и Запада». Деятельность по сохранению памятников истории и культуры Центральной Азии способствовала признанию вклада народов макрорегиона в развитие мировой цивилизации (Гафуров, Мирошников, 1976: 130).

Конвенция ЮНЕСКО 1972 г. об охране всемирного культурного и природного наследия, ратифицированная во многих странах мира, в том числе в СССР, сделала этот процесс эффективным с точки зрения развития международного сотрудничества. Она была актуализирована государствами Центральной Азии в процессе суверенизации. Получившие независимость страны уже в 1992 г. вошли в состав ООН и следом присоединились к организации ЮНЕСКО. В 1994 г. в г. Алматы было открыто бюро ЮНЕСКО по Центральной Азии с участием Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. В том же году Всемирная туристская организация ООН (UNWTO/ЮНВТО) совместно с ЮНЕСКО приняла Самаркандскую декларацию, которая поставила задачу объединения стран, заинтересованных в возрождении Великого шелкового пути, некогда связавшего Запад и Восток и обеспечившего культурный обмен в границах Евразии. Реализация программ и проектов ЮНЕСКО стала одним из факторов вхождения стран Центральной Азии в мировое культурное пространство. Начало сотрудничеству положили ряд встреч, в том числе международная сессия 2005 г. в Алматы по поводу Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия в Центральной Азии. Актуализация культурного наследия стран Центральной Азии была связана с Конвенцией об охране нематериального культурного наследия 2003 г. Она была ратифицирована в Кыргызстане в 2006 г., в Узбекистане — в 2007 г., в Таджикистане — в 2010 г., Туркменистане — в 2011 г., в Казахстане — в 2012 г. Каждая из стран разрабатывала собственные проекты в этой сфере (Октябрьская, 2013а: 2–16).

Результатом деятельности по сохранению уникальных форм творчества стали национальные списки шедевров нематериального культурного наследия, которые составлялись ЮНЕСКО с 2001 г. Многие из них были выдвинуты сразу от нескольких стран Центральной Азии. Например праздник Наурыз (2009 г., совместно с 12 странами), соколиная охота (2016 г., совместно с 17 странами) и т.д.

Одним из партнеров ЮНЕСКО в освоении уникальных объектов культурного наследия стран Центральной Азии является Ассоциация организаций, поддерживающих развитие ремесел в Центральной Азии (АОПРРЦА/CACSA). Она была создана в начале 2000-х гг. с головным офисом в Бишкеке — столице Кыргызстана. В 2003 г. CACSA стала членом Всемирного ремесленного совета по Азиатско-Тихоокеанскому региону (WCC-APR) и партнером ЮНЕСКО в реализации проекта

«UNESCO Asia-Pacific Awards for Cultural Heritage Conservation» / «Премии ЮНЕСКО в Азиатско-Тихоокеанском регионе за сохранение культурного наследия». К 2006 г. в организацию входили уже более 60 ремесленных групп; в сфере влияния находились несколько тысяч ремесленников макрорегиона.

В 2009 г. на базе SACSA при поддержке Фонда Евразия возник ресурсный центр. Он активно взаимодействует с платформой Central Asian Culture and Arts Network / Центрально-азиатской сетью по культуре и искусству, созданной при участии Гёте-Института и ЮНЕСКО в Узбекистане для развития диалога в сфере культурного наследия Центральной Азии. Один из проектов SACSA был реализован совместно со Швейцарским бюро по развитию и сотрудничеству — в том же 2009 г. в столице Таджикистана Душанбе был проведен форум «Культурное пространство Центральной Азии: единство в многообразии».

Итогом освоения материального и нематериального культурного наследия стран Центральной Азии является утверждение культурно-цивилизационного подхода к его оценке. Это имело большое влияние на формирование идеологии нациестроительства государств макрорегиона. По версии лидера Казахстана Н.А. Назарбаева, «глубина исторического горизонта казахов очень велика. ... Нет нужды преувеличивать наше реальное историческое прошлое. Оно столь велико и впечатляюще, что не требует никакой мифологизации. Диапазон культурного, политического влияния наших предков столь велик — от Египта до Индии, от Европы до Китая, и столь разнообразен, и, как показывают исторические изыскания, вполне отслеживаем и материально документирован, что это не оставляет камня на камне от дремучих стереотипов о „вековой отсталости Степи“. То, что было плодом интуиции отдельных историков или детищем блистательных поэтических прозрений еще 10–15 лет назад, сегодня становится объектом системного анализа. И мы должны ясно понимать, что это произошло не само по себе, а в результате обретения независимости Казахстаном и культурно близкими народами Центральной Азии» (Назарбаев, 1999: 24, 72). Расширительная трактовка историко-культурного наследия казахского, тюркского и шире — центральноазиатского сообщества позволяет говорить о его значимой роли в мировом культурном процессе.

Для оценки перспектив развития Центральной Азии в 2021 г. в Хиве по инициативе Президента Республики Узбекистан был проведен Международный форум «Центральная Азия на перекрестке мировых цивилизаций». В ходе его проведения состоялась Неделя культурного наследия, V Конгресс Всемирного общества «Культурное наследие Узбекистана — фундамент нового Ренессанса»; одним из результатов стало создание при поддержке ЮНЕСКО платформы «Хивинский процесс: продвижение международного сотрудничества в Центральной Азии».

В ходе диалога, организованного в том числе на платформах ЮНЕСКО, в экспертном сообществе сложилось концептуальное видение ситуации: государства Центральной Азии представляли собой особую провинцию в границах Евразии, культурно-цивилизационное единство которой являлось основой для включения макрорегиона в мировое культурное пространство и опиралось на поддержку международного сообщества (Абдимуминов, 2019: 70–72).

3. Историко-культурное наследие и модели интеграции тюркского мира

Проблема интеграции стран Центральной Азии в единстве культурных, экономических и политических аспектов обрела актуальность на рубеже XX–XXI вв. Этот процесс опирался на сложившиеся формы диалога. Еще в 1990 г. известный казахский советский поэт О. О. Сулейменов организовал Первый съезд народов Востока в Москве, который в 1991 г. был преобразован в Ассамблею тюркских народов.

Сотрудничество в рамках тюркского мира Евразии развивалось поступательно. Важное место в нем занимала Международная организация тюркской культуры. Перспектива ее создания обозначилась в 1992 г., когда в Анкаре (Турция) была принята декларация по итогам первого саммита глав тюркоязычных государств, где обсуждалось наличие глубинных связей между народами Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Узбекистана и Турции, основанных на общей истории, языке, культуре и вере. В ходе межнационального диалога стран Центральной Азии была актуализирована концепция тюркского единства. «Архитектором тюркской интеграции» называли Н. А. Назарбаева, который обозначил перспективу глобального проекта «Тюркская цивилизация: от истоков к современности». В 1993 г. в Алматы (Казахстан) был подписан документ, закрепивший образование структуры, объединившей тюркоязычные страны. Турция стала страной-депозитарием организации. С 1996 г. осуществлялось официальное сотрудничество Международной организации тюркской культуры с ЮНЕСКО. В 2009 г. она получила название Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi (тур.) — TÜRKSOY/ТЮРКСОЙ¹.

Целью этой организации, согласно декларациям, являлось укрепление связей между странами-участниками ради сохранения, возрождения и дальнейшего развития культуры и искусства тюркских народов. К числу факторов, объединяющих тюркские народы, был также отнесен ислам.

С момента создания ТЮРКСОЙ занималась творческими обменами, проведением выставок, музыкальных и литературных фестивалей, организацией научных конгрессов, в ходе которых в общество транслировались идеи тюркского единства — коллективной тюркской идентичности.

Большой резонанс имела программа «Культурная столица тюркского мира», инициированная в 2010 г. В рамках ее реализации первой тюркской столицей стала Астана (Казахстан) в 2012 г.; в последующие годы этот титул переходил к городам Турции, России, Туркменистана, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана. В 2022 г. тюркской столицей стала Бурса (Турция), в 2023 г. — Шуша (Азербайджан) (Белоглазов, Надыров, 2022: 63–65).

Сотрудничество в сфере культуры было неотделимо от решения политических задач. В 1998 г. на саммите глав тюркоязычных государств по предложению Н. А. Назарбаева был создан единый Секретариат; в 2006 г. в Анталье (Турция) — Совет сотрудничества тюркоязычных государств. В 2008 г. была учреждена Парламентская Ассамблея тюркоязычных государств (ТЮРКПА). В 2009 г. на саммите

¹ Тюркский мир. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/karaganda-shet/press/news/details/300145?lang=ru>

глав тюркоязычных государств в Нахичевани (Азербайджан) возник Совет сотрудничества тюркоязычных государств / Тюркский совет. В 2021 г. в Стамбуле он был переименован в Организацию тюркских государств (ОТГ). В ноябре 2022 г. в Самарканде под председательством Президента Республики Узбекистан прошло заседание глав государств ОТГ на тему «Новая эра тюркской цивилизации: на пути к общему прогрессу и процветанию».

ТЮРКСОЙ и поддерживающий ее Международный фонд тюркской культуры и наследия (созданный в 2009 г.) с 2009 г. входил в состав Тюркского совета, затем ОТГ. В 2010 г. в Астане по инициативе Н. А. Назарбаева открылась Тюркская академия при участии стран-учредителей — Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Турции. В 2012 г. в Бишкеке (Кыргызстан) на саммите Тюркского Совета было подписано соглашение о ее международном статусе. Состав академии, как и состав ТЮРКСОЙ, менялся со временем. В 2015 г. в результате конфликта с Турцией тюркские республики Российской Федерации — Алтай, Башкортостан, Чувашия, Саха (Якутия), Татарстан, Хакасия, Тыва прекратили сотрудничество с ними. В то же время академией были подписаны меморандумы с научными центрами тюркских стран, а также с Монголией, Венгрией, Украиной; установлено сотрудничество с Тюркским советом, ТЮРКСОЙ и Научно-исследовательским центром исламской истории, искусства и культуры. Академия обеспечивала сопровождение программы Шелкового пути. Также ею разрабатывались учебники «Общая тюркская история», «География тюркского мира» и «Общая тюркская литература», утвержденные для школьных программ Азербайджана, Кыргызстана, Казахстана и Турции. В 2021 г. на конференции министров образования стран Центральной Азии была принята Декларация о создании единого центральноазиатского пространства высшего образования. Ориентируясь на реализацию просветительских и научных проектов, ТЮРКСОЙ подчеркивало, что не преследует политических целей. Однако в связи с деятельностью организации в евразийском пространстве с 1990-х гг., кроме прочего, обсуждались модели, восходящие к идеям и образам пантюркизма.

Реуультаты стратегии интеграции тюркских стран были подведены в 2021 г. во время приуроченной к 30-летию независимости Казахстана международной конференции «Модель Назарбаева: курс на интеграцию тюркского мира»¹ (Левкович, 2021). Эта тема стала актуальной в контексте новых вызовов. Среди них — стратегия развития евразийского экономического пространства «Один пояс, один путь», принятая Китаем в 2013 г. и предполагающая актуализацию культурного наследия стран макрорегиона в качестве ресурса модернизации.

Наряду с этнически акцентированной моделью интеграции в постсоветской Центральной Азии отработывалась межрегиональная модель. В этом контексте в общественно-политическом и академическом дискурсах осуществлялось переосмысление опыта политического структурирования пространства,

.....
¹ Левкович Е. Благодаря Елбасы понятие «тюркский мир» обрело новое прочтение – эксперты// Казахстанская правда. 29 ноября 2021 г. URL: // <https://kazpravda.kz/n/blagodarya-elbasy-ponyatie-tyurkskiy-mir-obrelo-novoe-prochtenie-eksperty/>

обсуждалась история самопровозглашенной Туркестанской (Кокандской) автономии (1917–1918 гг.) и Туркестанской АССР (1918–1924 гг.), некогда объединявших территории современных Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана. Развитие проекта «единый Туркестан» начала XX в. ориентировалось на культурно-религиозное единство тюркских народов. Его альтернативой стала стратегия этнополитического самоопределения в рамках советского государственного строительства: в 1924 г. Туркестан был разделен на этнонациональные республики. Но идея единства тюркского мира сохранялась.

Показательна в этом смысле история Туркестана (Казахстан) — одного из старинных городов Центральной Азии. Его возникновение восходит к первым векам н.э.; на протяжении средневековья здесь формировался сакральный центр. Полагают, что в XVI–XVII вв. Туркестан был политическим, экономическим и культурным центром казахского ханства. Память о былом величии сохранялась на протяжении последующих столетий. В постсоветский период Туркестан стал символом обновления Казахстана. В 2021 г. здесь прошла Международная конференция городов Всемирного наследия Евразии и город был официально принят в их число. В том же году на саммите Совета сотрудничества тюркоязычных государств Туркестан был назван духовной столицей тюркского мира¹.

В 2023 г. в городе прошло заседание Национального курултая Казахстана. В речи Президента страны К. К. Токаева прозвучали такие слова: «Наш народ по традиции называет Туркестан духовной столицей страны. Однако его роль гораздо выше. Туркестан занимал особое место в нашей истории. С древних времен он выступал крупным торговым узлом на Великом шелковом пути, был духовно-образовательным центром для всех братских народов. Здесь покоятся многие выдающиеся личности, оставившие значимый след в истории казахов. Можно сказать, что этот древний город хранит всю многогранную летопись нашего народа и является яркой путеводной звездой цивилизации Великой степи. ... Сакральный Туркестан, являющийся оплотом единства народа и целостности страны, будет выполнять эту высокую миссию и далее»². Определяя свое место в мировом сообществе, Казахстан формирует собственную систему приоритетов. Идея единства народов Центральной Азии сохраняет свое значение, не исключая при этом системных противоречий во взаимодействии. Отношения стран макро-региона также предполагают равные права на лидерство.

4. Евразийский вектор и страны Содружества

Актуализация культурных традиций тюркских народов Центральной Азии в ходе их включения в мировой культурный контекст не только повышает их значимость, но и является основанием для многоуровневой интеграции. При обсуждении природы межнационального диалога эта идея соотносится с концепцией евразийства, которая была обозначена Н. А. Назарбаевым в 1994 г. во

¹ Туркестан назвали духовной столицей тюркского мира // Комсомольская правда. 2023. 8 апр. URL:// <https://www.kp.ru/daily/27262/4395083/>

² Полный текст речи Токаева на Национальном курултае в Туркестане. URL: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6397181-polnyy-tekst-rechi-tokaeva-na-natsionalnom-kurultae-v-turkestane.html>

время визита в Московский университет. В открытой лекции первый президент Казахстана предложил идею Евразийского союза как объединения равноправных независимых государств. Речь шла о «практическом евразийстве» — о формировании стратегий социально-политической и экономической модернизации на основе интеграционных процессов. Но опирался этот проект на дискурс XX в. (Егоров, 2014: 51–59).

Известно, что термин «Евразия» впервые использовал австрийский геолог и общественный деятель. Э. Зюсс в 1880-х гг. В академическом и публицистическом дискурсе России этот концепт осваивался при описании географических параметров континента и его этнокультурной уникальности. Содержание концепта постепенно расширялось. Применительно к России термин «Евразия», кроме прочего, обозначал «своеобразный стиль культурной государственности». Он получил дальнейшую разработку в рамках движения евразийцев, формировавшегося в среде российских эмигрантов-интеллектуалов в Европе в 1920-е гг. Опираясь на локально-цивилизационный подход, евразийцы (отказавшись от принципа европо/славяноцентризма) рассматривали историю Евразии как единого «месторазвития» общеевразийского сообщества (Халанский, 2011: 30–34).

Хотя в конце 1930-х гг. евразийство как единое движение себя исчерпало, его идеи получили развитие в творчестве Л.Н. Гумилева и его последователей, которые в изучении Евразии фокусировались на культуре Великой степи и природе кочевничества (Панченко, 2018: 11–18). В постсоветском Казахстане эта тема и имя советского ученого стали символами формирующейся национальной идеи. Риторике евразийского единства подхватило руководство страны. Работы «последнего евразийца» часто цитировал Н. А. Назарбаев, ставший инициатором интеграции на постсоветском пространстве. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) было подписано главами России, Белоруссии и Украины в 1991 г. Его формирование завершилось в 1993 г., когда в Минске был принят Устав СНГ, который Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан ратифицировали в том же году. Туркменистан стал ассоциированным членом-наблюдателем СНГ с 2005 г. Несмотря на различные цели, которые ставили политические элиты независимых государств, сложились практики сотрудничества, которые отвечали стратегиям суверенизации при одновременной интеграции в региональное и евразийское (шире — мировое) сообщество (Курмангалиева, 2006: 6–15).

Практическое евразийство определило модель развития культуры государств СНГ на основе признания их самобытности и многостороннего диалога. Первыми обобщающими документами в сфере сохранения культурного наследия стали принятые в 1992 г. Соглашение о сотрудничестве в области культуры и Соглашение о возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения. В 1997 г. Советом глав государств СНГ было утверждено Положение о порядке возврата незаконно вывозимых и ввозимых культурных ценностей. В 2000 г. на заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ был принят Модельный закон «Об объектах культурного наследия». Проработка законов о сохранении культурного наследия стала предметом меж-

государственного диалога. Для координации инициатив в этой области в 1995 г. был создан Совет по культурному сотрудничеству, в 2006 г. — Совет по гуманитарному сотрудничеству и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ. При их участии были спланированы значимые для сохранения культурного наследия акции (Октябрьская, 2013а: 6–12).

В 2007 г. в Минске состоялась Международная конференция «Конвенции ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия и национальное законодательство государств — участников СНГ», посвященная согласованию законодательства стран СНГ с нормами международного права и принципами ЮНЕСКО. С их учетом были разработаны и утверждены в 2011 г. Концепция сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в сфере культуры и Концепция развития образования в сфере культуры и искусства. В них были изложены согласованные позиции по созданию условий для распространения гуманистических ценностей, в том числе принципов межнационального и межконфессионального согласия, уважения к культурам, языкам и традициям¹.

Деятельность в сфере межкультурных взаимодействий Содружества, ориентированная на сохранение разнообразия и формирование сплоченности, опиралась на многочисленные консультации с участием политиков и практиков, ученых, деятелей культуры. Регулярным стало проведение международных форумов и фестивалей, в том числе: «Межкультурный диалог на постсоветском пространстве в контексте глобализации», «Межкультурный диалог — системообразующий фактор развития гуманитарного сотрудничества на пространстве СНГ», «Охрана историко-культурного наследия как ресурс эффективного диалога между государствами: задачи и перспективы развития» и др. В 2022 г. в Минске состоялся международный научно-практический семинар «Сохранение нематериального культурного наследия стран СНГ в контексте глобальных вызовов».

Год за годом одна за другой появлялись формы сотрудничества, которые позволяли постсоветским странам, переживающим глубинные трансформации, выступать совместно на международной арене с опорой на общее историческое прошлое и ресурсы Содружества.

«Практическое евразийство» выстраивало практики диалога на основе признания творческого потенциала национального культурного наследия. Воплощением этого подхода стала Межгосударственная программа «Культурные столицы Содружества». Она разрабатывалась при участии Совета по гуманитарному сотрудничеству, Совета по культурному сотрудничеству и Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества СНГ; была инициирована в 2011 г., который решением Совета глав государств СНГ был объявлен Годом историко-культурного наследия. Программа «Культурные столицы Содружества» была утверждена с учетом предстоящего десятилетия ООН по межкультурному и межрелигиозному диалогу. В ее разработке была использована концепция программы «Культурные столицы Европы», которая вступила в силу в 1985 г. Развитие проекта СНГ

¹ Концепция сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в сфере культуры. URL: <https://online.zakon.kz/lawyer>

актуализировало единство постсоветского пространства как особой культурной провинции Евразии.

В 2011 г. белорусский Гомель и российский Ульяновск были выбраны первыми столицами СНГ. Более 10 городов получили этот статус к началу 2020-х гг. В 2021 г. столицей СНГ стал Душанбе (Таджикистан), в 2022 г. — Каракол (Кыргызстан), в 2023 г. — Санкт-Петербург (Россия). Соотносимая с картами городов Всемирного наследия Евразии и культурных столиц тюркского мира Центральной Азии, карта столиц СНГ обозначила пространство развивающегося евразийского союза — что, не ставя под сомнение национальную суверенность, акцентировало общие цели и тренды развития в масштабах макрорегиона. Россия, опираясь на историческую связь, опыт политического, экономического, научного и культурного взаимодействия, сохранила здесь свои приоритеты. ЕАЭС, ОДКБ определили рамочные условия интеграции, что не стало препятствием для дальнейшей диверсификации культурных связей государств Центральной Азии.

С 2014 г. Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества и правительственными структурами государств СНГ была поддержана комплексная программа «Наследие Содружества. Традиции для будущего», направленная на расширение связей в границах Содружества. В развитие этого направления в 2015 г. в Москве с участием России и КНР был организован Культурный форум, принят «Московский консенсус» и создана Организация культурного сотрудничества «Евразия — Шелковый путь». Такой подход обозначил открытый характер евразийского пространства и перспективы его реконструкции с учетом интересов и возможностей всех стран — участников глобального проекта в пределах СНГ, Центральной Азии и шире — всего евразийского сообщества. В 2022 г. Генассамблея ООН одобрила резолюцию об укреплении взаимосвязанности между Центральной и Южной Азией.

Заключение

На протяжении 1990–2010-х гг. концепт «культурного наследия», представленного материальными и нематериальными ценностями, на уровне общественно-публицистического, академического дискурса и правовых практик развивался динамично в контексте взаимодействия стран Центральной Азии. Расширение международного культурного и экономического сотрудничества, преодоление гуманитарных и социально-экономических вызовов формировали актуальную повестку макрорегиона. В условиях трансформации центральноазиатских сообществ интеграция не означала нивелирования их этнонациональной идентичности. Ориентируясь на национальные приоритеты, государства Центральной Азии имели прагматичные взгляды на многовекторное, многополярное сотрудничество, включая расширение отношений в политике, экономике и культуре с мировым сообществом, тюркским миром и странами СНГ. Создание межрегиональных союзов и вариативных моделей интеграции определило основные тренды современности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абдуллаев Д.Х., Курбонбоева А.У., Меркурьева А.Ю. Культурно-историческое наследие Узбекистана — основа третьего ренессанса // *Academic research in educational sciences*. 2022. Vol. 3. P. 540-544.

Абдимуминов, О.Б. Сотрудничество Центральной Азии и ЮНЕСКО // *Молодой ученый*. 2019. № 32. С. 70–72.

Амиров Р. Культура Таджикистана в условиях независимости (опыт, проблемы и перспективы развития) // *Ученые записки Алтайской государственной академии культуры и искусств. Культура евразийского региона*. 2017. № 2. С. 189–197.

Бакчиев Т.А. Манасоведение: учебное пособие для вузов. Бишкек : Улуу Тоолор, 2018. 208 с.

Баллер Э.А. Социальный вопрос и культурное наследие. М.: Наука, 1987. 160 с.

Белоглазов А.В., Надыров Р.Н. Роль ТЮРКСОЙ в процессе формирования тюркской идентичности в тюркоязычных государствах Центральной Азии в конце XX — начале XXI в. // *Человеческий капитал*. 2022. № 1. С. 61–67.

Гафуров Б.Г., Мирошников Л.И. Изучение цивилизаций Центральной Азии (опыт международного сотрудничества по проекту ЮНЕСКО). М. : Наука, 1976. 130 с.

Егоров Д.В. Переосмысливая евразийскую концепцию: проект евразийского союза Н.А. Назарбаева // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2014. № 1. С. 51–59.

Курмангалиева Г.К. Культурное наследие прошлого в интеграционных процессах Казахстана и Центральной Азии. Адам Элемі — Мир человека 2006. № 2(28). С. 6–15.

Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алматы : Атамұра, 1999. 296 с.

Октябрьская И.В. Концепция культурного наследия: мировой и российский опыт формирования // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2013. Т. 12, вып. 3: Археология и этнография. С. 20–31.

Октябрьская И.В. Стратегии и практики сохранения национального культурного наследия стран СНГ: опыт интеграции в мировое культурное пространство // *Межкультурный диалог на Евразийском пространстве. Древности Сибири и Центральной Азии*. 2013а. № 6. С. 6–12.

Октябрьская И.В., Алымкулова С.К., Назаров И.И., Самушкина Е.В. Кыргызская Республика: концепция, стратегии и практики сохранения национального культурного наследия // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2022. Т. 50, № 2. С. 128–139.

Панченко А.Б. Евразийская парадигма в отечественном народоведении (история становления и научный потенциал) // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2018. № 1. С. 11–18.

Халанский И.В. Центральноеазиатская интеграция: действительность и возможности // *Вестник КРСУ*. 2011. № 11. С. 30–34.

Чепайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2010. 298 с.

REFERENCES

- Abdullaev, D. Kh., Kurbonboeva, A. U. & Merkureva, A. Iu. (2022). Cultural and historical heritage of Uzbekistan – the basis of the third renaissance. *Academic research in educational sciences*, 3, 540–544. (In Russ.).
- Abdimuminov, O. B. (2019). Cooperation of the Central Asia and UNESCO. *Molodoj uchenyj*, 32(270), 70–72. (In Russ.).
- Amirov, R. (2017). Culture of Tajikistan in conditions of independence (experience, problems and prospects of development). *Uchenye zapiski Altajskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. Kul'tura evrazijskogo regiona*, 2, 189–197. (In Russ.).
- Bakchiev, T. A. (2018). *Manasology: workbook for universities*. Bishkek: Uluu Toolor. (In Russ.).
- Baller, E. A. (1987). *Social question and cultural heritage*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Beloglazov, A. V., & Nadyrov, R. N. (2022). Role of TURKSOY in the process of formation of Turkic identity in the Turkic-speaking states of Central Asia in the late XX – early XXI century. *Chelovecheskij kapital*, 1, 61–67. (In Russ.).
- Chepajtene, R. (2010). *Cultural heritage in the globalized world*. Vilnius: Evrop. gum. un-t. (In Russ.).
- Egorov, D. V. (2014). Rethinking Eurasianism: the Eurasian Union Project of N. A. Nazarbaev. *Vestnik RUDN, seriya Politologiya*, 1, 51–59. (In Russ.).
- Gafurov, B. G., Miroshnikov, L. I. (1976). *Study of Civilizations of Central Asia (experience of international cooperation under UNESCO project)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Khalanskij, I. V. (2011). Central Asian integration: reality and opportunities. *Vestnik KRSU*, 11, 30–34. (In Russ.).
- Kurmangaliev, G. K. (2006). Cultural heritage of the past in the integration processes of Kazakhstan and Central Asia. *Adam Əlemi — Mir cheloveka*, 2(28), 6–15. (In Russ.).
- Nazarbaev, N. A. (1999). *In the flow of history*. Almaty: Atamyra. (In Russ.).
- Oktiabrskaja, I. V. (2013). Concept of cultural heritage: world and Russian experience of formation. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya*, 12(3), 20–31. (In Russ.).
- Oktiabrskaja, I. V. (2013a). Strategies and Practices for the Preservation of the National Cultural Heritage of the CIS Countries: Experience of Integration into the World Cultural Space. *Mezhkulturnyj dialog na Evrazijskom prostranstve. Drevnosti Sibiri i Central'noj Azii*, 6, 6–12. (In Russ.).
- Oktiabrskaja, I. V., Alymkulova, S. K., Nazarov, I. I., & Samushkina, E. V. (2022). Kyrgyz Republic: vision, strategies and practices for the preservation of national cultural heritage. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2, 128–139. (In Russ.).
- Panchenko, A. B. (2018). The Eurasian paradigm in the Russian national studies (history of formation and scientific potential). *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik*, 1, 11–18. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ирина Вячеславовна Октябрьская — д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИАЭТ СО РАН, профессор кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия.

Irina V. Oktyabrskaya — Dr. Sci. (History), Associate Professor, leading researcher of IAET SB RAS, professor of NSU. Novosibirsk. Russia.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023;
одобрена после рецензирования 11.09.2023;
принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 15.08.2023;
approved after reviewing 11.09.2023;
accepted for publication 11.09.2023.